

Дмитрий
ГОРОХ

г. Петрозаводск

Пир народов на земле Ви́ра

Известный исследователь финно-угорских народов В.В. Пименов однажды признал вепсов историко-этнографической загадкой. Такое определение маститого ученого отнюдь не кажется проявлением слабости перед решением уравнения со всеми почти неизвестными. Здесь скорее восхищение головоломкой Клио, запершей вход в удивительный мир древнего народа, так что ученым, не подобравшим ключа, остается лишь глядеть в замочную скважину.

Когда научные формы познания оказываются бесцельными, накопленных фактов для построения строго научной картины явления критически мало и логические построения рушатся как карточный домик, а сердце исследователя при этом продолжает изнывать от неразделенного чувства, на помощь ему приходит художественное озарение и интуиция.

Заведующая сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук Нина Григорьевна Зайцева – в вепском мире личность поистине легендарная. Без всякого преувеличения! Нет смысла перечислять, а тем более доказывать ее заслуги, когда любой желающий без труда найдет эту информацию в Интернете. Скажу лишь о том, что молодая вепсская литература многим обязана Нине Григорьевне именно сочетанием в ее душе движимых нескончаемой силой любви к звукам родной речи качеств ученого-исследователя и наделенного огромным талантом поэта.

Впервые эпическая поэма «Вирантаназ», написанная на вепском языке, была представлена публике в 2012 году. Через год увидел свет ее перевод на финский язык. И вот наконец перед нами русский перевод, осуществил который Вячеслав Агапитов. Сама Нина Зайцева, автор оригинального произведения, так поясняет свой замысел: «В основу эпоса «Вирантаназ» мною положены вепские плачи и заговоры, а также сведения о вепсах, изложенные в этнографической литературе, и мое собственное знание уклада вепской жизни «изнутри». Название происходит от двух слов: «Вир» – это традиционное вепское мужское имя, «таназ» – подворье, земля, обжитая Ви́ром и оставленная им своему народу». Таким образом, в самом названии, образованном сходно со всемирно известной «Калевалой» – землей Калева, зашифрована амбициозная идея: подарить своему народу культурную память, уважение к предкам, а через это и уважение к себе сегодняшним, отличным от других народов, но и стоящим с ними в одном ряду и имеющим на это полное историческое право. Более того, этот посыл обращен не в прошлое, а в будущее, где он и призван обрести – чем дальше, тем больше – стихийную энергию ретроспективы. Именно с этой стороны фасад произведения кажется мне наиболее величественным.

Можно признать отчасти несправедливым, что вся слава великого эпоса «Калевала» досталась карелам и финнам. Записанные Элиасом Лённротом руны – со слов по большей части карельских скази-

телей – скрепили и защитили от внешних невзгод народ Суоми едва ли не круче линии Маннергейма. Да еще и оказались в сокровищнице мировой литературы! А ведь древние мифологические пласты эпоса от сотворения мира до выплавки железа, включая и образ самого исполина Калева, принадлежат тем временам, когда дерево финно-угорских народов еще не было таким ветвистым. С этой точки зрения, «Калевала», безусловно, является частью духовного пространства и нынешних вепсов тоже. Но – и это главное «но» – сохранили для себя и передали потомкам древние руны именно отчие племена нынешних восточных финнов и карелов, сохранили их на своем наречии. В эволюционной борьбе за выживание этносов племена ямь и корела приобрели, что называется, прогрессивный признак – умение сберечь и сохранить национальное достояние. А племена летописной веси, как это ни горько осознавать их потомкам, в силу ли национальных черт или в силу обстоятельств щедро и почти без остатка поучаствовали в формировании соседних народов. «Чудь начудила», – оставил свой след в этнографии Александр Блок.

В понятиях теории этногенеза, максимально осторожно, так, чтобы не попасть на минные поля сторонников и противников этой теории, необходимо отметить, что к концу IX века весь уже была довольно старым народом, достаточно влиятельным, чтобы поучаствовать в создании древнерусского государства, но недостаточно энергичным, чтобы продолжать бороться за место под солнцем. Нестор прописал весь на Белоозере. А чудь близ моря Варяжского, т.е. Балтийского. Эти племена давали дань Руси, иными словами, не имели на тот момент суверенной демократии. Саамы же и корела не были отмечены в «Повести» ни как данники, ни как бенефициары Новгородского государства. При том, что древность самобытной культуры карел не вызывает сомнений, кажутся обоснованными версии о происхождении карельского народа из взаимодействия чудских и вепсских племен. Часть веси под напором активных переселенцев перемещалась на север в пространство между Онежским и Ладожским озерами, часть уходила на запад к Финскому заливу, большинство же оставалось на своей земле, пахало и сеяло – и как угасает, вибрируя, последний звук кантеле, как бывает допета казавшаяся бесконечной старинная песня и вскакивает, радостно галдя, молодежь, так вдруг порвалась спайка рода, рассыпались имена на буквы, и вновь из этих букв стали складываться иные имена.

Вот все это – и даже гораздо более того – имея в

виду, взялась Нина Зайцева за многолетний труд. Одновременно были заложены основы вепсской письменности, выпущены букварь и множество учебников, переведены на вепсский язык Библия и эпос «Калевала», бережно собраны крупницы фольклора. В поэме «Вирантаназ» сконцентрировано знание о вепсах автора – одного из самых известных и уважаемых ученых в области вепсского языка и литературы. «Калевала» образует как самый нижний и древний культурный слой, общий для родственных народов, так и верхний культурный слой, принадлежащий исключительно карелам и финнам. «Вирантаназ» охватывает период XV–XVII столетий, когда вепсы уже уверенно торили свой путь, тем самым не вторгаясь в культурно-исторический и литературный феномен несравнимо старшего и более величественного произведения. Таким образом, чтобы у будущих исследователей не возникало соблазна противопоставить или сравнить эпосы, этикет был соблюден безукоризненно.

Поскольку речь в нашем случае идет о русском переводе, оценку художественного значения труда для вепсской национальной литературы я опускаю. В то же время необходимо отметить, что перевод Вячеслава Агапитова, также известного поэта, переводчика, краеведа, много времени посвятившего изучению заонежской культуры, сам по себе символичен и ценен. По сути, это самостоятельное культурное явление. Достаточно вспомнить, какое заметное влияние оказала вепсская самобытность на формирование особого заонежского диалекта, уклада жизни русских переселенцев. Любое взаимодействие может быть только обоюдным – это фундаментальный закон вселенной. И вот локальное взаимодействие двух народов, сказавшееся в культуре, языке, быте, мифологии, сегодня откликается легким, естественным, гармоничным восприятием образной, символической, эстетической, отчасти даже семантической категорий художественного произведения. Использование переводчиком диалектных заонежских слов оправдано не только стилистически, но и, учитывая все вышесказанное, метафизически. Это ничуть не выглядит искусственным для русскоязычного читателя, а, наоборот, создает особую атмосферу погружения в реальность описываемых событий на подсознательном уровне. Именно такую силу, по моему мнению, имеют забытые имена обычных вещей.

Песни, старины, заговоры, сказы и плачи, составляющие ядро духовного наследия предков, чудом еще сохранившегося и собранного у носителей языка во время многочисленных экспеди-

ций, переведены легко и вдохновенно. Сюжет «Вир-антаназ» несложен и подчинен этому ядру. Персонажи, кроме мифологического прародителя вепсов медведя – Конди, – отнюдь не сказочны. Вир и Айра, их дети – самая заурядная семья. Но вокруг – одухотворенный сказочный мир, в лесу и воде живут леший, водяной и русалки, а в избе хозяйничает домовая. Вир – вепсский знаменитый охотник, чьим прообразом стал промысловик Мартьянов, житель Шимозерья, он двуязычен, говорит по-вепски и по-русски. Айра из народа сама, обогатила речь вепсов лапландскими словами. Тетка Вира Анни – знахарка, «...знала мудрость Веси». Пастушок Ваня, которому Анни перед смертью передает лесные тайны, веселит народ в деревне напевной игрой на свирели. Русский князь сватается к дочери Вира красавице Тали, перед тем, спасая его на охоте, Вир убивает медведя. Не того Конди, что учил свой народ этическим и экологическим правилам жизни в ладу с природой, но все же его alter ego. Все вместе – это авторская схема, модель мира, который в поэме оживает, наполняясь песнями-сказами, колдовской силой веси. Тот же пастушок ищет сезонной работы на чужбине: в Заозерье, в Заволочье, так и крутится у Вячеслава Агапитова на языке родное Заонежье! Чудный наш край Карелия, сохранились здесь в памяти людской и богатства карельских рун, и сокровища русских былин, и золотые россыпи народных песен!

*– Летела пташечка,
Да летела серая
Из-за моря дальнего
Да все в край родной.
Из-за моря дальнего
Да к себе на родину,
Ветер в крылья дул
С полной силою.
Ветер в крылья дул,
Помогал лететь,
Легку перышку
С крыльев дал слететь.*

Чего мне не хватило в поэме, так это поэтического описания вепсских обрядов, не короткими мазками, а широкой кистью. Так, чтобы не зарисовки, а картины народной жизни проступали на ткани поэтического холста. Выпукло, зримо, со множеством незнакомых современному человеку деталей. Сватовство, свадьба, роды или похороны неизменно в деревнях сопровождалась

привычным ритуалом, замешанным на народных обычаях, поверьях, предрассудках. Сватовство, например, по записи З.И. Строгальщиковой, начиналось с моления перед иконами, при этом молодых ставили на шубу, лежащую мехом вверх. Затем уже – после сделки о приданом – начинались причитания. После мытья в бане невеста становилась на сковороду, и ее обливали молоком или соленой водой. На соленой воде пекли рыбник, которым потом угощали жениха, на молоке – пироги. Вопросы «зачем» и «почему» остаются за этим многоцветным кадром, живым и любопытным.

Впрочем, автору удалось выполнить главную задачу: из разрозненных источников, часто русскоязычных, записей, воспоминаний собратьоедино книгу, по которой будущие ученики на родном языке смогут изучать историю своего народа, его культуру, его обычаи и привычки. И пусть это будет только первый шаг на пути к Знанию, этот шаг не будет методически скучен или научно многословен. Благодаря переводу В. Агапитова и русский читатель прикоснется к фольклорно-песенной и бытовой традиции братского вепсского народа, включая, безусловно, и традицию, заложенную самим новейшим фактом существования эпической вепсской поэзии. Нина Зайцева сумела придать вепсскому языку вершинную форму эпоса, где в качестве структурной единицы использована двенадцатистрочная рифмованная строфа. Русский перевод украсил произведение новыми – заонежскими обертонами и местами придал звучанию мотивы песен Русского Севера, что в силу давней близости культур двух народов не ощущается стилистически чужеродным. В целом перевод эпической поэмы «Вир-антаназ» на русский язык состоялся и его должно признать удачным. А сам эпос, безусловно, станет явлением в финно-угорской культуре!

**Нина Зайцева. Вир-антаназ.
Перевод Вячеслава Агапитова.
Альманах «Verez Tullei», 2015 г.
Издательство «Периодика»**